

доноре, має ярокую ціннісну складову.

Якщо значуща сторона поняття в російському та українському медіапросторі збігається, то ціннісна складова залежить від соціальних факторів. Одноразове явище в межах одного й того ж російського мовного простору може оцінюватися абсолютно по-різному в різних країнах і в різний час. Яскравий приклад – словосполучення *Октябрська революція*: оцінка цього події діаметрально протилежна в емігрантському середовищі та всередині СРСР, п'ятдесят років тому і зараз.

Цінності формуються суспільними умовами. Якщо в російськомовній Україні поняття має переважно позитивну оцінку (див. такі контексти: *ідеали Майдана, цінності Майдана, совість Майдана*), то в медіапросторі Росії оцінка коливається від переважно негативної до позитивної в залежності від політичної орієнтації авторів: див. наступні контексти: *в запалених майданом мозках; майдан – кримінальний ад; прийшов на майдан, отримав деякі гроші, поспригав, втік і отримав від цього задоволення; подивіться, з якою повагою так звані «російська ліберальна інтелігенція» відносяться до майдану; майданні кричалки; відтікали з Майдану; якщо виховання підлітків пустити на самоті, то станеться Майдан; в фільмі «Срок» виливаються різні*

куски суспільного безумства, які так і не склалися в слово Майдан; кримський майдан виявився дуже корисним. Як видно з наведених контекстів, оцінка коливається від «ада» до «пользи» в сприйнятті авторів однієї й тієї ж газети «Ізвестія» в залежності від того, до якого саме Майдану вона відноситься: Майдан в Криму – добре, в Києві – погано.

Значуща складова лексики, на наш погляд, менше детермінована соціальними факторами: в обох медіапросторах Майдан асоціюється як з подією (он стався, виступив, вмився кров'ю, заявив, пішов, сказав), так і з тривалим станом (Майдан стояв, мёрз).

Таким чином, спостерігаючи за лексема *Майдан* в динаміці, можна прийти до висновку, що, в першу чергу, аналізоване значення змінило свій статус в російському мовному просторі від українізму, маркуючого конкретні події в Україні, до запозиченого з близькородственного українського мовного простору поняття, яке ввійшло в російську мовну сферу, закріпилося в ній і отримало нові ціннісні значення, що відрізняють його від цінностей мови-донора. Вторинні, ціннісна складова розглянутого поняття детермінована соціальними факторами і тому має різний зміст в різних суспільствах однієї й тієї ж мови. В третій, ціннісна семантика в мовному рецепієнті є амбівалентною.

Література

1. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко. – М. : Мартин, 2011. – 704 с.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с.
3. Смирнова Т. Н. Прагматика иноязычного слова в русской речи / Т. Н. Смирнова // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія філологія – № 787. – Вип. 52. – X., 2007. – С. 160–162.
4. Химик В. В. Майдан как феномен русской и восточнославянской языковой действительности / В. В. Химик // Политическая лингвистика – № 3 (53). – Екатеринбург, 2015. – С. 57–63.

УДК 811.161.1-112'23

Г. С. Яроцкая

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Взаимопомощь и сотрудничество как ценности в истории русской лингвокультуры

Яроцкая Г. С. Взаємодопомога та співпраця як цінності в історії російської лінгвокультури. Метою запропонованого дослідження є опис особливостей мовної репрезентації конкуренції / кооперації як ціннісних пріоритетів у відносинах суб'єктів трудової діяльності в історії російської лінгвокультури. В результаті вивчення мовних фактів робиться висновок про орієнтацію на співпрацю-взаємодопомогу як засіб досягнення гармонії в міжособистісних стосунках. Когнітивна метафора конкуренції як боротьби, що є характерною для західноєвропейської культури, не акцентується в російській мовній свідомості.
Ключові слова: семантика, співпраця, цінності, російська лінгвокультура.

Яроцкая Г. С. Взаимопомощь и сотрудничество как ценности в истории русской лингвокультуры. Целью предлагаемого исследования является описание особенностей языковой репрезентации конкуренции / кооперации как ценностных приоритетов в отношениях субъектов трудовой деятельности в истории русской лингвокультуры. В результате изучения языковых фактов делается вывод об ориентации на сотрудничество-взаимопомощь как средство достижения гармонии в межличностных отношениях. Когнитивная метафора конкуренции как борьбы, характерная для западноевропейской культуры, не акцентирована в русском языковом сознании.

Ключевые слова: семантика, сотрудничество, ценности, русская лингвокультура.

Yarotska G. S. Cooperation and mutual aid as a values in the history of Russian Language and Culture. The main purpose of the paper presented above is to reveal the characteristics and specific features of linguistic representation of competition / cooperation as value priorities in the relations of subjects of labor activity ("working practice") in the history of Russian Language. Our analysis of the semantic evolution of the Russian lexicon relating to concept of cooperation-mutual aid has uncovered certain value-laden connotations – reoccurring in the meanings of a number of Russian words and phraseological units. Positive connotations are typically associated with lexemes containing a semantic component of cooperation-mutual aid. Elements of working practice such as cooperation and mutual aid are considered to have the attributes of nominative density, meaning that they are brought up and developed by human linguistic consciousness. The conclusion drawn is oriented towards cooperation-mutual aid as a means of achieving harmony in interpersonal relations.

Key words: semantic, cooperation, value, Russian Language and Culture.

В коллективном труде американских авторов «Сотрудничество и соперничество среди примитивных народов» рассматриваются тринадцать разных культур с точки зрения преобладания в них принципа сотрудничества или соперничества. Поскольку интересующую нас русскую культуру можно определить как культуру сотрудничества, стоит уделить внимание результатам этого исследования. Они изложены редактором книги Маргарет Мид в предисловии как обобщение монографических очерков, посвященных отдельным культурам [10].

М. Мид выделяет три типа культур: сотрудничающие, соперничающие и индивидуалистические. Интересно, что, по результатам исследования, не выявлено связи между преобладанием принципа сотрудничества или соперничества, с одной стороны, и способом добывания средств существования (охотой, земледелием или скотоводством) – с другой. Не имеет значения бедна или зажиточна данная группа, а также какой технологией она располагает.

Соперничество, по мнению М. Мид, не обязательно носит конфликтный характер; сотрудничество не обязательно предполагает солидарность. Межгрупповое соперничество может сочетаться с сотрудничеством в рамках собственной группы. Соперничество, понимаемое как соревнование, следует отличать от соперничества, понимаемого как конкуренция. В первом случае главное – достижение цели, а отношение к соперникам – вопрос второстепенный. Во втором случае, напротив, главное – победить соперников, а достижение цели соперничества менее важно. Подобное различие проводится также между сотрудничеством-кооперацией и сотрудничеством-взаимопомощью. В первом случае упор делается на цель, которую желают достичь совместными усилиями; во втором – на межличностные отношения [10]. В «культурах сотрудничества» мы имеем дело с замкнутыми группами, в рамках которых позиция человека

определена и гарантирует ему безопасность (вероятно, в качестве примера может служить культура древних восточных славян). Положение человека не зависит здесь от его инициативы и личных притязаний. В других культурах индивид не чувствует себя в безопасности, пока не убедится в своем несомненном превосходстве. Заметим, что там, где положение человека определяется происхождением, родством (а именно так и было в древних восточных славянских племенах), его инициатива и личные притязания не должны были бы играть большой роли: ведь этой привилегии никто не может его лишить. У праславянских племён соперничеству препятствует отсутствие экономической стратификации и сознание того, что можно улучшить свое положение благодаря успеху в хозяйственной деятельности.

Традиционно русская культура относится к культурам с преобладанием принципа сотрудничества (в отличие, например, от западноевропейской рыцарской культуры соперничества) [4]. Мы предполагаем, что в экономической культуре восточных славян приоритетной ценностью являлось сотрудничество-взаимопомощь, а не кооперация. Анализ динамики языковой репрезентации данного концептуального пространства дал основания говорить об устойчивости в русской культуре ценностной ориентации на взаимопомощь в трудовой деятельности [7].

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что действия власти, направленные на повышение экономической эффективности посредством конкурентной борьбы, могут иметь деструктивные последствия, если речь идёт о людях, которые не рассматривают рост своего экономического благосостояния как ценность, как элемент определенной программы. Таким образом, ошибочные представления о ценностных мотивах, которые движут людьми в трудовой деятельности, ставят под сомнение результат предпринятых властью попыток подключить людей к

определённым социальным действиям. В связи с этим встаёт вопрос о выявлении той ценностной системы, с помощью которой носители русской культуры осознавали и осознают экономические условия своего существования; их представления о должном, желаемом поведении участников трудовой деятельности; приоритеты и мотивы, побуждающие их к сотрудничеству или конкуренции; особые институты, в рамках которых происходили и происходят эти действия. Из этого следует, что изучение языковой объективации аксиогенеза с целью определения ценностного инварианта, позволяющего сохранять единство культуры и воспроизводственной деятельности общества, является **актуальным**.

Целью предлагаемого исследования является изучение динамики языковой объективации бинарной оппозиции **кооперация / конкуренция** в системе взаимоотношений субъектов трудовой деятельности.

Свидетельством ценностной ориентации на взаимопомощь может служить широко распространенный на Руси весьма своеобразный вид социальной взаимопомощи – *хождение в кусочки*, к которому в случае серьезной нужды мог прибегнуть работоспособный крестьянин. Суть этого способа в том, что крестьянин, у которого в данный момент не оказывалось хлеба, ходил по соседним дворам и деревням, прося хлеб. И ему подавали *кусочки*, большие или меньшие части каравая. Это не был кредит, принятый в странах рыночной цивилизации, ибо ни о каком возврате долга и речи быть не могло, само понятие «долг» в данном случае неприменимо. Не было это и нищенствованием, которое является своеобразным ремеслом. И если с помощью *кусочков* крестьянину удавалось «*перебиться*», он находил работу и покупал хлеб, то он «*возвращал*» его любому другому крестьянину, оказавшемуся в трудном положении [2:43].

Изучение ценностных оснований языкового сознания связывают с анализом лексической объективации концептов. Так, например, В. И. Карасик считает, что «ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает **многостороннее обозначение** в языке. Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта <...>. В этом случае наступает **отождествление ценности и актуальности явления**» [3:4] (Выделено нами. – Г. Я.).

Н. В. Бардина считает, что связь между аксиосистемой народа и синтетизмом тех или иных смысловых зон оказывается очевидной: различия между предметами, свойствами и отношениями,

которые пусть и осознаются человеком, но не зафиксированы с предельной лаконичностью в звуковых стереотипах и не частотны в реальном языковом существовании, выступают как менее значимые, второстепенные в национальной лингвоментальной аксиосистеме [1:9]. Из этого следует, что лишь те элементы, процессы, действия внешней и внутренней реальности получают номинацию в языке, которые осмысляются как важные для жизнедеятельности человека.

Под ценностью как лингвоаксиологической категорией в данном исследовании понимается позитивно оцениваемая, актуальная, значимая для языкового сознания сущность, которая ориентирует человека в его деятельности и детерминирует нормы его поведения. Соответственно, ценностный потенциал концепта определяется значимостью данного ментального образования как для отдельного человека, так и для коллектива в целом.

Подтверждением значимости, актуальности для языкового сознания того или иного концепта может служить лексико-семантическая (в том числе и коннотативная) и деривационная активность его вербальных репрезентантов. Подобная активность слова в целом пропорциональна его частотности, степени многозначности, словообразовательной и фразеологической продуктивности, разнообразию синтагматических возможностей [9].

Доказательством актуальности, значимости для языкового сознания той или иной аксиокатегории являются: 1) номинативная и семантическая плотность тематической группы слов, вербализующей экономический концепт; 2) детализация наименования, степень репрезентированности данного концепта фразеологическим фондом языка; 3) частотность слов-репрезентантов концепта в текстах разной жанровой принадлежности; 4) внутренняя форма слов как ценностный мотив концептуализации; 5) аксиологические пресуппозиции в семантике вербальных репрезентантов; 6) прагматический потенциал номинантов концепта.

Актуальность и значимость семантики взаимопомощи подтверждается высокой номинативной плотностью репрезентантов протоконцепта ПОМОЩЬ, которые, по нашим подсчётам, составляют 275 лексических единиц: *ср. подмого́, подмога, подмогати, подможение, подможежа, подможежь, подможенный, помочь, помочи, подможенный, подмочь, подмощикъ, помогание, норовити, норовникъ, вспомогати, вспомочи, вспомогатель, вспомогательство, вспоможение, воспособие, выручка, испомогати, испомочи, испоручати, испоручение, помогатель, поможье, посилокъ, послуа, послуговати (помогать, заботиться), пособь, пособивый, пособление, пособити, пособствие, пособство, пособникъ, пособляти, поспешение* (своевременная

помощь), *поспешникъ, поспешитель, поспехъ, поспетися, рачительствовати, ряжение, попечение* и мн. др. [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 1–28]. Аналогичные данные даёт Этимологический словарь славянских языков [ЭССЯ].

Сотрудничество в русской лингвокультуре (далее РЛК) осмысливается как взаимопомощь, взаимовыручка (*пособление*), ценностный акцент сосредоточен на коммунитарности: *Артелью гору поднимешь, а один и камень не сдвинешь. Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось*. Идея коллективного труда является значимой и положительно оцениваемой в РЛК.

О том, что в РЛК акцентированы ценности взаимопомощи и сотрудничества, свидетельствует не только номинативная плотность данного лексико-семантического поля (103 лексемы, по данным СЦСРЯ), но и незначительное количество лексем, объективирующих когнитивные признаки соревновательности – конкуренции. В истории РЛК впервые в петербургский период зафиксированы лексемы с соответствующими значениями: *соперник* – соискатель, состязатель, противник [СЦСРЯ, т. 4:387], *соперничий, соперничество, соперничествовать, соревнование, соревнователь (соревновательница), соревновать* – вместе с другими ревностно подвизаться в чём-либо и не отставать от других в ревности к какому-либо делу [СЦСРЯ, т. 4:391], *состязать, состязатель, состязательный, состязание* – спор, прение, *состязаться* – иметь с кем-либо состязание, спорить [СЦСРЯ, т. 4:402], *соискатель/ница* и др.

В лексеме *соревнование* корень *-ревн-* имеет значение 'старательность' и 'усердие' (*ревность*), сохранившееся, например, в современном выражении *ревностно относиться к делу*. Таким образом, **семантические компоненты 'совместность', 'спор', 'усердие', 'противник' свидетельствуют о том, что начальный процесс формирования концептуального пространства «конкуренция» проходил в рамках коммуниитарных ценностных ориентиров коллективизма (совместность, приставка *со-*) и усердия (корень *-ревн-*).**

Займствования *конкуренция* и *конкурент* осмысливаются в РЛК с опорой на идею совместности, которая воплощается во внутренней форме всех соответствующих смыслов в исконно русских словах: *со-искание, со-перничество* и *совместник, со-искатель, со-перник, со-требователь* [СлРЯ XVIII в.].

Значение 'совместность деятельности' передано в заимствованной лексеме *кооперация* – сотрудничество, совместные действия, помощь [СлРЯ XVIII в.], которая пополнила ряд многочисленных номинантов концептуального пространства ПОМОЩЬ с ценностным наполнением «взаимопомощь».

Вербализация концептуального пространства сотрудничества, совместности, взаимопомощи в русском языке обнаруживает высокую номинативную плотность, а значит актуальность соответствующих когнитивных признаков, которые приобретают позитивную оценочность в языке, как в киеворусский и московский периоды, так и в петербургский: *допоможение, допомочь, помочь, помочник, помощь, помощник/ница, пособить, пособие, пособление, послуга, послужение, послуживец, послужилец, пособник/ница, пособлять, пособство, пособствие, пособствовать, пособствователь, пособствование, пособицк/ница, пособь* – 'помощь', *посредник/ница, посредничество* ('помощь'), *посредствие, посредствовать, содействие, содействовать, содействователь/ница, спомощник, спомощник – защитник, подспаривать, подспорить, подспорье, подмога, выручка* и мн. др. [СЦСРЯ; СлРЯ XVIII в.].

Акцент на совместности, коллективности не только в трудовой деятельности, но и в интеллектуальной, эмоциональной сфере, вербально выраженная идея взаимности, сочувствия, сопереживания зафиксирована в словообразовательных приставочных моделях (*со-*) и *со-*, которые реализуются в многочисленных лексемах (377! слов) типа *спострадание, спострадати*, а также *спомогатель/ница, спомогательство, спомощство, споручность, споручение, споручный, споручаться, спомощник, спомощство, спомощствовать, спомощствователь/ница, спомоществователь* – оказывающий своевременную помощь, *спомощник, спомощничество* [СЦСРЯ, СлРЯ XVIII], *сожитель, совоспитанник, совопрошание, соискание, соискатель, сокупечествовать, сомученик, сообща, соучастствователь, соумышлять, соумирати, соукрашати, соучастник/ница, сопрестольник, соприимати, сопричастие, сопричастник/ница, сопружество, сопружник/ница, сопрение, сопутник, сорадование, соратник, соседник, сосвидетель, сославити, сослуживец, сослужебник, совраждебник, сострадалец/лица, сострадательствовать, состранствовати, сострастие, сопутствовати* – присутствовать вместе с кем-либо, *сотрудник/ница, сотоварищ, сотоварищество, сотрапезник, сотруженник, соутешатися, соумыслить, соученик, соучинити, соцарственник/ница, сочувствовать, сошественник, союзник/ница, спленник/ница, спомощник/ница, спомощитель/ница, спомощство* – помощь при брани, содействие, спомоществование [СЦСРЯ; СлРЯ XVIII], *споимати* – брать вместе с собой [СЦСРЯ; СлРЯ XVIII], *споручаться, споручник/ница, споручение, споручность, спостник, спострадалчество, сработник/ница*, и мн. др., имеющих интегральную

сему 'совместность'. Большинство перечисленных лексем (около 75%) вышли из употребления в современном русском языке. Возможно, утраченная актуальность соответствующей коммуниитарной ценностной ориентации отразилась в снижении количественных показателей вербальных репрезентантов совместного участия в той или иной деятельности или переживаемого эмоционального состояния.

Адаптация заимствованных в петербургский период лексем, репрезентирующих номинативное пространство «конкуренция», свидетельствует о переосмыслении данных отношений с опорой на идею совместности, представленных в лексемах-аналогах – *соискатель, состязатель* [7]. Вербализация концептуального пространства сотрудничества, взаимопомощи в петербургский период истории РЛК обнаруживает высокую номинативную плотность, а значит актуальность, ценность соответствующих когнитивных признаков.

Коммуниитарные ценности занимали ключевую позицию также и в советской трудовой идеологии (ср. *Советы, касса взаимопомощи, Совет экономической взаимопомощи, взятие на поруки, поручительство, товарищество* и др.) [8; 9]. Тем не менее, большинство из приводившихся ранее номинаций лексико-семантического поля «взаимопомощь» вышли из употребления, о чём свидетельствует их отсутствие в словарях как советского, так и постсоветского периодов.

Постсоветский период движения к рынку, капитализму в русском языке получил номинацию *лихие 90-е*. «Пионерами российского капитализма» стали *кооператоры (кооперативщики)*, появившиеся в 80-е годы XX в. [НКРЯ]. Характерным является то, что именно в этот период наиболее частотной ассоциацией на стимул «богатый» была лексема *кооператор* [АТРЯ] и отсутствовали ассоциации, представляющие лексико-семантическое поле «взаимопомощь».

Ценности постсоветского периода, несмотря на лексическую динамику в русском языке конца XX и начала XXI века, в целом показывают устойчивость коммуниитарности в РЛК. Относительная стабильность ценностной системы,

воплощённой в русском языковом сознании, подтверждается и результатами массовых свободных ассоциативных экспериментов. Н. В. Уфимцева проследила динамику русского языкового сознания, опираясь на данные нескольких ассоциативных словарей [5], что позволило установить, что с 60-х годов XX в. неизменной остаётся соотнесённость структуры русского языкового сознания со структурой этнических констант [6].

Однако, по нашему мнению, смена ценностной парадигмы проявилась в снижении частотности таких номинаций концептуального пространства взаимопомощи, как *сердоболие, милосердие, сострадание и взаимопомощь*. Актуальными становятся понятия *благотворительность, спонсорская помощь, финансовая поддержка* и др., отражающие прагматические и субсидиарные ценностные ориентации.

Таким образом, языковая объективация отношений экономических субъектов трудовой деятельности, представленная в бинарной оппозиции *кооперация / конкуренция*, свидетельствует о приоритете ценностей сотрудничества-взаимопомощи в русском языковом сознании, что влечёт за собой ориентацию не на результат в трудовой деятельности, а на согласованность и гармонию межличностных отношений в трудовом коллективе. Вербализация концептуального пространства сотрудничества, совместности, взаимопомощи в РЛК обнаруживает высокую номинативную плотность, а значит актуальность соответствующих когнитивных признаков, которые имеют стабильно позитивную оценочность в языке. Когнитивная метафора конкуренции как борьбы, характерная для западноевропейской культуры, не акцентирована в русском языковом сознании: данные семантические компоненты остаются на дальнейшей периферии лексико-семантического поля и имеют низкие показатели разработанности в РЛК. Современное состояние аксиосистемы РЛК требует дальнейшего комплексного изучения не только системно-языковой объективации, но и ассоциативно-вербальной и текстовой.

Список использованных источников и условных обозначений

АТРЯ – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции : Ок. 7000 стимулов. М. : АСТ-Астрель, 2002. – 784 с. Т. II. От стимула к реакции : Более 100 000 реакций. М. : АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// www.ruscorpora.ru /](http://www.ruscorpora.ru/). – Загл. с экрана.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Электронный ресурс]. Вып. 1–28 (1975–2008). – Режим доступа : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>. – Загл. с экрана.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. : Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. – Вып. 1–6; СПб. : Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–2011. – Вып. 7–19.

СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. В 4 томах. – Второе издание. – СПб, 1867.

ТСРЯ – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

ТСУ – Толковый словарь русского языка : В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940.

ТСЯС – Мокиенко В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

ЭСЯ – Этимологический словарь славянских языков : Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. – Вып. 1–10, 11, 12–20, 21–30. – М. : Наука, 1974–1994.

Литература

1. Бороноев А. О. Россия и русские : Характер народа и судьбы страны / А. О. Бороноев, П. И. Смирнов. – СПб. : Лениздат, 1992. – 144 с.

2. Бардина Н. В. Когнитивная конденсация как принцип этнолингвального варьирования / Н. В. Бардина // Слов'янський збірник. – Вип. 3. – Одеса : Астропринт, 1998. – С. 8–15.

3. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности. – В. : Перемена, 2001. – С. 3–16.

4. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали / М. Оссовская. – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.

5. Уфимцева Н. В. Язык, сознание, культура : [сборник статей] / Н. В. Уфимцева. – М. : Publisher, Эйдос, 2005. – 399 с.

6. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариантивность / Н. В. Уфимцева. – М. : Институт языкознания РАН. – 2011. – 252 с.

7. Яроцкая Г. С. Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре: монография / Г. С. Яроцкая. – Одесса : Одесский нац. ун-т имени И. И. Мечникова – 2013. – 552 с.

8. Яроцкая Г. С. Ценностные аспекты вербализации трудовой деятельности в русском языке советского периода / Г. С. Яроцкая // Вісник Одеського національного університету. Серія Філологія. Науковий журнал. – Т. 20. – Вип. 2 (12). – Одеса, ОНУ, 2015. – С. 57–65.

9. Яроцкая Г. С. Аксиосистема экономического сознания в русской лингвокультуре / Г. С. Яроцкая // Одеський лінгвістичний вісник: науково-практичний журнал. Спецвипуск. Національний університет «Одеська юридична академія». – Одеса, 2017. – С. 261–263.

10. Mead M. Introduction / M. Mead // Cooperation and competition among primitive peoples. – New York; London, 1937. – P. 16.